

The background of the cover is a detailed illustration of a man and a bear in a snowy forest. The man is shirtless, muscular, and has dark hair and eyes. He is looking directly at the viewer with a slight smile. His right arm is resting on a large tree trunk. To his left, a large brown bear is standing and looking towards the left side of the frame. The forest is filled with snow-covered evergreen trees, and there are falling snowflakes throughout the scene.

Мария Лунёва

(НЕ) ДЕТСКИЕ СКАЗКИ
НЕВЕСТА
ЧЕРНОГО МЕДВЕДЯ

Мария Лунёва

(Не) детские сказки.

Невеста черного медведя

«Мария Лунева»

2019

Лунёва М.

(Не) детские сказки. Невеста черного медведя / М. Лунёва —
«Мария Лунева», 2019

«...— Ты отдашь ему женщину из иного мира?! Богиня довольно засмеялась и не удостоила собеседника ответом. Она точно знала, кто станет опорой этому грозному зверю, что рыскал сейчас среди растерзанных тел. Это будет славный союз...»

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мария Лунёва

(Не) детские сказки.

Невеста черного медведя

Пролог

Земля, параллельный нашей реальности мир, бережно хранимый Богами.

1872 год

Битва. Кровь окропляла серый перемешанный с землёй истоптанный снег. Он таял, превращаясь в рыхлую кашу, которую топтали сотни воинов, сошедшихся на поле брани.

Мир сокрушал звон мечей и стоны умирающих.

Меж сражающихся, прикрывая окровавленными пальцами глубокие раны, ползали ещё живые. Они стонами и шептали проклятья, моля о помощи. Но вместо этого обретали только смерть. По ним топтались братья по оружию, вдавливая изувеченные тела в снег и не давая подняться.

Невозможно было понять, кто свой, кто чужой, обезумевшие воины князя этих земель, не разбирая, рвались вперёд, подчас убивая своего же. И цель у них была одна – выбраться из этого котла и добежать до кромки леса, за которой было спасение.

Мнимое или реальное – кто же знал.

Честь, отвагу и гордость они давно позабыли. Только инстинкты руководили их разумом. Спасти. Убежать. Нет, не к своему военачальнику, а подальше отсюда, спрятаться как крысам и переждать. Дожить до конца этой войны.

Сохранить свои шкуры целыми.

И они бежали, убивая своих, чужих, добивая павших.

Но это удавалось далеко не всем.

Лютые дикие лесные перевертыши, не проявляя милосердия, пробивали себе путь мечами и когтями.

Они действовали методично, просто уничтожая всех, кто не звериного рода. Неведома им была жалость. Они знали, кого истребляли.

Падаль, что бесчинствовала на этих землях.

Нелюдей, что охотились забавы ради на женщин, возводили насилие в культ и упивались агонией своих невинных жертв. Воины леса чистили этот мир от тех, кто осквернял их слезами детей, оставшихся сиротами. И неважно какого рода было то дите – волчонок, человек или медвежонок. Все дети плачут одинаково.

Этот мир требовал очищения.

И лесные делали то, что считали правильным. Забирали власть в свои руки. Не щадили тех, кто и сам не ведал о сострадании. Воины князя в ужасе бросали мечи и падали на колени, моля сохранить им жизнь.

Но лесные, казалось, не замечали этого, уничтожая всех, кто вставал на их дороге.

Кровь, стоны, грязь.

Хрипы умирающих и торжествующие вопли зверей с человеческими лицами.

Впереди отступающих воинов раздался княжеский горн. Он словно остановил на секунду бойню.

Услышав его, перевертыши зарычали.

Мир огласил вопль победителей!

Князь скрылся, бросая часть своего войска на потеху врагу.

Обречённые на смерть всё ещё бежали вперёд, туда, где их уже никто не ждал. И ясно было, что минуты их жизней заканчивают свой размеренный бег. Но жажда жить, дышать, перевешивала доводы разума.

Вскоре всё стихло, никто не добрался до заветного пролеска. Все остались лежать на грязном снегу, удобряя поле собственной кровью.

Огромный обнажённый по пояс мужчина, твёрдо шагая между поверженных искорёженных тел, зорко высматривал тех, кто ещё не испустил дух. Ему нужны были доносчики. Но, как назло, ни одного.

Недовольно зарычав, он явил собратьям иной облик. Словно туманная маска – морда чёрного разъярённого медведя.

Ему вторили сотни соратников, братьев по роду и крови.

– Хорош, – шепнул высокий седовласый мужчина, стоящий на краю поляны и наблюдавший за битвой от её начала до победного конца. Длинная белоснежная шуба не касалась земли и оставалась абсолютно чистой.

Мужчина будто парил, оставаясь невидимым воинам, что расхаживали всего в паре шагов от него.

– Да, – кивнув, согласилась с ним женщина в голубом расшитом серебром женском кафтане. В отличие от своего собеседника, она прочно стояла на ногах. Её изящные сапожки утопали в чистом снегу по самую щиколотку. Проследив взглядом за военачальником лесных, богиня склонила голову набок, – Вскоре он станет хозяином этой земли. Он принесёт перемены, которые так нужны этому миру. Я выбрала его.

Мужчина с любопытством глянул на женщину. В его взгляде скользило восхищение и едва прикрытое желание. Но богиня предпочитала не замечать этого.

– Ты нашла его истинную? – полюбопытствовал бог, поняв, что его чувства остаются без ответа. Зло откинув подол шубы, он выдвинулся вперёд, наблюдая за военачальником.

– Естественно, – губы женщины тронула лёгкая улыбка.

Потянувшись рукой, она пригладила того, кого действительно любила. У её ног лежал здоровый белый волк. Её вечный спутник, давно отдавший ей свою душу. Его сердце вторило её. Зверь восторженно и привстал. Ему явно не нравилось то, что возле его хозяйки околачивается другой мужчина. Перевертыш, не скрывая неприязни, скалился и зорко следил красными как кровь глазами за Богом Вьюг и Метели, нервирова того.

– Что же, матушка Зима, – обернувшись, мужчина невольно глянул на волка, но тут же перевёл взгляд на его хозяйку. – Если ты считаешь, что так будет лучше и что он достоин, то будь по твоему. Но всё же, уж слишком стремительно всё развивается. Ты не дала шанса людям...

– Нет, – женщина жестом заставила собеседника умолкнуть, – всё идёт так, как и должно быть. Я пушу новую кровь в этот мир, и отдам его тем, кто этого заслуживает.

– Но как же баланс, – бог развёл руками, – ты нарушаешь его.

Зима, положив ладонь на голову своего единственного, снова устремила свой взгляд на поле боя.

– Баланс будет соблюден, – негромко прошептала она. Ветер, подхватив её слова, понёс их далеко вперёд. Словно услышав, военачальник повернул звериную голову и посмотрел прямо на богов, будто видел их. – Кровь смешается и придёт новая раса, – закончила свою мысль матушка Зима.

– Ты отдашь ему женщину из иного мира?!

Богиня довольно засмеялась и не удостоила собеседника ответом. Она точно знала, кто станет опорой этому грозному зверю, что рыскал сейчас среди растерзанных тел.

Это будет славный союз.

Здрав морду, её волк завыл, будоража сердца и души лесных.

Глава 1

Земля, наше время

Вытащив из машины большой рюкзак, я поддела ногой дверь и захлопнула её. Да, увидь такое обращение, мой бывший уже бы пилить начал. Зануда. Усмехнувшись, я ещё и сосульку пнула, что выросла на пороге под передним колесом.

Шла первая неделя моей свободы!

Лучший период моей взрослой жизни!

Да! Ровно пять дней назад я нашла в себе силы и послала бывшего жениха далеко-далеко, и желательно так, чтобы ушёл туда, в закат, и остался там навечно.

Но увы. Не дошёл, куда отправили!

Вернула его в мою жизнь нелёгкая. Он не прекращал попыток наладить отношения. Которых, к слову, давно уже как нет.

Пять лет мы встречались. Ещё год готовились к свадьбе: копили деньги, так чтобы у родителей не кланчить, обсуждали сценарий мероприятия, продумывали мелочи – оформление зала, прокат автомобилей, голубей этих белых.

И всё время я чувствовала, что совершаю ошибку.

Это чувство грызло меня, не оставляя в покое. Как будто внутренний голос нашёптывал о том, что в отношениях наших что-то не то. Некий подвох.

Но реальных причин разорвать нашу связь я не находила. Родители на Петрушеньку надышаться не могли. Бабушка внучком называла. А я находила любой повод, чтобы побыть от него подальше. Это получалось как-то неосознанно. Я с удовольствием выходила на работу за свою напарницу. Не то чтобы нуждалась в деньгах.

Нет!

Просто вертясь и бегая, как измотанный взмокший хомяк в колесе, заведую горячим цехом, я забывалась, стоя у своей любимой плиты. Всё отходило на второй план. В нашем ресторане часто была полная посадка, и это настолько вынимало все силы, что, приходя домой, я падала на кровать, закрывала глаза и проваливалась в сон.

Всё забывалось и становилось неважным.

Но наутро проблемы возвращались. Свадьба, планируемый медовый месяц и мужчина, при виде которого ни одна струна моей души не звенела.

Наверное, любовь – это просто сказка.

Выдумка. Миф.

Но неделю назад всему этому, наконец-то, пришёл конец. Выйдя в очередной раз на смену за напарницу, а по совместительству лучшую подругу ещё с кулинарного техникума, почувствовала себя не очень хорошо. Ближе к полуночи скрутило меня знатно. Гостей в зале ресторана было не так много, так что администратор спокойно отпустила меня домой.

Да и попробуй не отпусти дочь хозяина заведения.

Не знаю, как доехала до дома. Все мысли были только о том, как выпью обезболивающего и упаду в кровать. Открыв дверь своим ключом, сразу поняла, что что-то неладно. Ну, хотя бы, потому что лёгкие зимние сапожки на шпильке явно мне не принадлежали и до боли знакомая белая коротенькая шубка тоже. Да и сумочка на цепочке-ремешке.

Хотя! Вот её как раз купила я, но не себе, а подруге на день рождения.

Не разуваясь, я тихо прошла до спальни и замерла в проёме распахнутой двери, наблюдая весьма занятную картину.

Хм...

Петенька в постели никогда не блистал. А тут ну совсем котик на лежбище. На нём, извиваясь, скакала моя подруженька, за которую я, на минуточку, сегодня вкалывала.

Вот в это мгновение я и поняла, что меня совсем не задевает факт измены. Мне за предательство подруги больнее.

Наверное, со мной что-то не так.

Но этот мужчина, предсказуемый, меланхоличный, с противным брюзжащим характером, считающий каждую копейку, и неспособный на авантюру, мне не нужен совсем.

– Знаешь, Олесь, вот если он тебе так нравится, могла бы и сказать. Я бы подвинулась, – не удержавшись, громко заявила вслух.

Эффект оказался мгновенный: завизжав, подруженька соскочила с моего благоверного и прикрылась моим же халатом. Вот наглость!

Петенька продолжал лежать, как бревно, и по-дурацки хлопал глазками с длинными ресничками.

– Лизонька, это не то, что ты думаешь, – наконец, проблеял он. – Она сама, явилась, я не хотел. Я тебя люблю.

Так противно стало. Не хотел он! Самая последняя низость в такой ситуации, которую может сделать мужик, – это свалить всё на женщину. Олесь молчала, видно было, что ей не по себе: и взгляд прятала, и даже покраснела.

– Он тебе так нужен? Это стоило нашей дружбы? – обидно, что столько лет я считала её чуть ли не сестрой, а она вот так.

– Я... – подруга запнулась и, наконец, посмотрела на меня. – Не знаю, как так вышло. Влюбилась я.

– Да, забирай, – я вспылила и швырнула в жениха трико. – У тебя десять минут, чтобы сложить вещи и убраться из моей квартиры, – это уже я адресовала ему.

Петя даже не думал выползть с кровати.

– Лизонька, прости! Такого больше не случится. Это первый раз, – блеял он, и вид такой невинный.

– Да я только за прошлый месяц пять смен за Олеську отпахала. Какой первый раз?! Сколько это уже длится? – мой взгляд метнулся к подруге.

– Два года, – пробормотала она.

Я растерялась.

Два года эти двое морочили мне голову. Зачем? К чему было делать мне предложение. Планировать свадьбу, если всё это время он изменял мне с подругой, а может, и не только с ней. Не настолько я наивна.

У меня слов не было.

– Рот закрой, курица, – услышала я гневное шипение Петеньки.

Это он так с Олеськой?! Я сейчас словно иными глазами на жениха взглянула. Весь такой правильный воспитанный утончённый молодой человек позволяет себе оскорбить ту, с кем вот только что любовью занимался!

– Петя, – Олеська, кажется, расплакалась.

– Пошла отсюда. Вякнешь чего ещё – кулак в рот запихаю.

Я села. Вот как стояла, так и плюхнулась на прикроватную тумбу.

Теперь всё встало на свои места. Не зря же я ощущала некую фальшь в нём. Моё подсознание всё это время вопило, что что-то с избранником моим не так.

И вот она – истинная морда Петруши!

– Олесь, стоять, – прорычала я, когда подруга сделала пару шагов в сторону выхода.

– А ты, – я ткнула в мужчину пальцем, – пошёл вон!

– Успокойся, любимая, мы всё уладим, – улыбнувшись, он в успокаивающем жесте развёл руками.

– Пошёл отсюда! – вскочив с прикроватной тумбочки, я метнулась к шкафу, открыла его и сгребла в охапку весящие на вешалках деловые костюмы. Сняв, бросила их посреди комнаты. – Собирай свои манатки и исчезни из моей жизни.

Он, наконец-то, соизволил сползти с кровати.

Медленно натянув штаны, поиграл мышцами груди. Да, он был хорош собой: утончённые черты лица в сочетании с внушительной фигурой. Женщины часто смотрели на него с вожделением. На это же, ещё будучи девчонкой, купилась и я.

Гордилась, что такой парень и бегаёт за мной. За девчонкой с вечными косичками, веснушками на носу и такими скучными серыми глазами, а рядом ведь красавицы, – блондинки и брюнетки, яркие, чего скрывать, сексуальные. Но, нет! Петя видел только меня. Дёргал шутиливо на занятиях в техникуме за русые косички и шутил, что меня в нос солнышко поцеловало.

Он обожал мои веснушки, а ещё, походу дела, ему нравилось прокатиться по моим ушам и обвешать их лапшой, которую он прекрасно катал.

– Зачем? – этот вопрос сам сорвался с моих губ. – Зачем я была тебе нужна? Только давай, без этих бредней про вечную любовь до гробовой доски. В такое я не поверю никогда. Хоть раз, Петя, скажи правду.

– Я люблю тебя, девочка моя, – произнёс он с придыханием.

– Не называй меня так, – вспылила я, – какая я тебе девочка?!

– Да, ресторан ему нужен, – напомнила о себе Олесья. – Не ты, а наследство твоё. Мечтал, что отец отойдёт от дел и всё достанется ему.

Я открыла рот и тут же его прикрыла.

И точно. Мой старший брат семейным бизнесом не занимался. Он ему не нужен был и даром. У него прекрасно работала сеть автомастерских.

А ресторан должен был достаться мне.

Я, собственно, поэтому и выучилась на повара да на менеджера. Отец желал, чтобы я изнутри изучила кухню. Знала все нюансы. И его совсем не волновало, что мне это не особо интересно. Нет, готовить я любила, а вот управление... Да, это я бы точно отдала в загребушие руки Пети, как только родители спихнули на меня ресторан.

А они бы это сделали очень быстро.

Я ребёнок поздний неожиданный, хоть и горячо любимый. Папа уже устал и желает отдохнуть.

– Какой продуман, – выдохнула я, – конечно, в колледже ведь все знали, что у меня за родители. Принцессой обзывали. Молодец, ничего не скажешь!

Лицо моего жениха приобрело озлобленный вид. Понял, видно, что дело дрянь.

– Да, что ты эту потас...

– Не смей, – рыкнула я перебивая. – Не смей всё сваливать на Олесю. Не хотел, она бы на тебя не залезла.

– Да, она меня соблазнила, – прижав к груди футболку, эта жертва обстоятельств смотрела на меня, как побитая собака, – заявила с вином. Ну, и давай задом крутить. Я же мужик, что мне делать, если она уже голая передо мной стоит.

– Я сейчас заплачу от жалости, – иронизировала я, – она, наверное, насильовала тебя раз за разом.

Признаться, Олесья умом особым никогда не обладала, а вот кукольной внешностью да. Красивенькая фигурка, точёная. Видная девушка, но вечно ей какие-то придурки и кретины доставались. И надо же, мой тоже в сторонке не остался.

– Петя, собирай свои вещи, пока я их не спустила с окна, бери под ручку любовницу и выкатывайтесь из моей жизни. Свадьбы не будет. Ресторан уплыл у тебя из-под носа. Всё! Ищи другую дурочку.

Поднялся, ухмыльнулся, хлопнул себя по бёдрам.

– Ты остынешь, девочка моя, – ласково защебетал он, – поймёшь, что бывает у мужчин такие моменты. Не удержался. Но лучше меня тебе ведь не найти. Я у тебя ведь первый и единственный. Простишь.

Я закатила глаза. Да, станцую, как он уберётся отсюда. Мне сейчас так хорошо было. Избавилась. Словно камень с души упал. Не будет свадьбы. Не будет этого подонка в моей жизни.

Развернувшись, я вытащила из шкафа чемодан. Распахнула и принялась закидывать туда всё без разбору: от носков до курток.

– Так, вроде всё, – захлопнув крышку чемодана, с силой подпнула его к теперь уже точно бывшему, – остальное передам через твоих друзей. Чтобы и духу твоего рядом со мной не было. Все! На этом точка.

Натянув футболку, Пётр поднял чемодан и закрыл его на молнию.

– Пожалеешь, Лизонька, – на его лице было столько снисхождения. – Сама прибежишь мириться.

Ага, уже спешу и спотыкаюсь.

Подняв руку, я указала на выход.

Послушался. Чемодан тяжело покатился по полу. Я перевела взгляд на Олесю, которая всё ещё стояла голой и прижимала к себе мой халат.

– Одевайся и дуй следом. Ты уволена, – я хмыкнула, вот что подруги лишилась – это действительно плохо. Любила я Олесю, дурочка, но как мне казалось, бесхитростная, а она вот такая ушла.

– Я не хотела, Лиз, оно само как-то. Ну, помнишь, мы в бассейн ходили, ты пару раз пропустила, и я одна с Петенькой осталась. А он красивый такой, обходительный. Ну, прости. Я не знала, как мне быть. Я влюбилась.

Покачивая головой, только вздохнула. Ну, ума, вообще, ни извилин.

– А что он на мне жениться собирался, а тебя в любовницах держал, тебя не корбило? Самоуважение где твоё?

– Ну, я же не одна у него, – она только пожала плечами.

– Дура ты, Олесь, – я махнула на неё рукой, – одевайся и беги, догоняй. Он теперь свободный. А у тебя родители тоже не бедные – все шансы имеешь.

Да, это был сарказм. Но она этого не поняла. Всё приняла за чистую монету: заметалась по комнате, собирая свои шмотки.

Развернувшись, я ушла на кухню. Мне нужно было выпить и лучше, чтобы это был не просто кофе, а что покрепче. Но плохое самочувствие никуда не делось. Так что выпила я только обезболивающего.

Входная дверь тихонько хлопнула. Убежала ковать своё счастье с этим бабником. А потом женщины ноют, что им изменяют. Смешно даже. Неужто шесть кубиков пресса затмевают разум настолько, что готова мириться со всем. Два года он её как подстилку использовал.

Я была разочарована в подруге.

Никакого самоуважения.

Закрыв дверь на засов, отправилась спать. Всё теперь живу по-новому. Найду мужчину, такого, чтобы сам кремень, пересмотрю свои взгляды на управленческую сферу своей деятельности. Постепенно начну сама заниматься делами ресторана. И никакого Петеньки в моей жизни больше не будет.

Свобода!

И вот теперь пять дней спустя я решила ускользнуть из города подальше. Петруши хватило на два дня, после чего началось маниакальное преследование. Телефонные звонки, поджидания на работе, он даже к родителям моим попёрся.

Выбесил так, что зубы при виде его физиономии сводило.

И хуже всего, что родители его поддержали, мол, оступися мальчик. Олеська его с пути истинного сбила, чуть ли не опоила зельем приворотным. Мать поведала душещипательную историю, как отец ей однажды изменил, а она простила. Потому что детки были.

Вот только у меня деток не было, и сохранять отношения мне было незачем.

Устав от всех и сразу, я напросилась на выходные к подруге. Неблизкой, но общались неплохо. Она жила далеко за городом: коттеджный посёлок практически в лесу, от трассы двадцать километров. Но она заверила меня, что дорогу чистят от снега.

И я купилась.

От снега-то чистят.

Только снег ещё вчера весь стоял, и дорога представляла собой ледяное месиво. Начало декабря. Сугробы лежать должны, а у нас грязи по колено. Эти двадцать километров дались моей машинке с трудом. Дважды буксовала, но выбралась. Мойка теперь обеспечена. Подъехав к дому, остановилась и вышла, зло пнув дверь. Знакомый джип стоял тут же.

Петрушенька, чтоб его черти разодрали, и тут нашёл.

Ясно, выходные на природе отменяются. Но я так устала с дороги, что мысль развернуться и уехать показалась кошунственной. Тем более что морозом потянуло. Погода у нас была непредсказуемая. С утра могло припекать по-летнему тёплое солнышко, а вечером уже снегопад.

Глава 2

Поднявшись на веранду, неуверенно взялась за ручку двери. Появилось нехорошее предчувствие. Я не верила в такие глупости, но вот сейчас отчётливо понимала – уезжать нужно. Но здравый смысл остановил нарастающее смятение.

Тут час до города, потом по пробкам. Лучше всё же поздороваться с хозяевами дома. Выпить чашечку чая. Немного отойти и вот тогда улепётывать отсюда.

Пройдя в дом, громко окрикнула подругу. Ответом мне был шум из кухни. Разувшись, проследовала туда.

– Лизонька, какой сюрприз! – тут же подскочил Пётр.

– Ты тут что делаешь? – с лету спросила я в лоб.

– Оленька пригласила, вот такой вот сюрприз!

Я осмотрела его с ног до головы. Надо же прихорошился. Подстригся. Но меня это не тронуло. И вроде не должно быть так. Ведь он мой единственный и столько лет вместе. Но сердце молчало, а неприязнь росла.

– Да, прискорбный сюрприз, – прошипела я. – Оль, а что ты не предупредила, что ещё гости будут?

Подруга помялась. Поняла, видно, что затея её не самой лучшей была.

– Ну, мы думали, может, вы поговорите, – промямлила она.

Тоже мне миротворцы. Кто, вообще, просит в личную жизнь лезть. Что за привычка такая – в чужом грязном белье пытаться разобраться.

– А если твой Саня с другой на твоих глазах в постели скакать будет, ты очень с ним после этого беседы вести захочешь?

– Но там Олеся, – Ольга выглядела виноватой.

– А Олеся тут при чём? Её вина лишь в том, что дура набитая. Ей по ушам прошлись, она и ноги раздвинула. Или думаешь, она единственная была?

– Лиза, давай, не будем ворошить прошлое, – тут же попытался закрыть мне рот бывший.

– Да какое прошлое! И недели не прошло, – прорычала я.

Ольга отошла к плите и скрестила руки на груди. Взгляд, которым она одарила Петюню, ничем хорошим не сулил.

– В общем, ты прости, подруга, но я сейчас передохну, чайку ради приличия попою, не зря же полсотни километров отмахала, и обратно. Как раз вернуться до захода солнца успею.

– Лиза, ты же ночевать собралась, – Пётр усиленно делал вид, что ничего не произошло. И мы с ним просто слегка повздорили.

Сидит весь такой вальяжный хозяин жизни. Рубашечка белоснежная, две пуговички расстегнул, рукава закатал, глазки кобелина строит. Так бы и зарядила горячим чайником промеж глаз. Я никогда особо доброй не была, а вот сейчас прямо черти в душе у меня плясали и напакостить изменщику просили. Но я сдержалась и сохранила невозмутимое лицо.

– Твоё дело какое, чего я там собралась? – ледяным тоном произнесла я. – Приехал в гости, так отдыхай. А нашими разборками тут никого смущать я не собираюсь, так что уезжаю домой.

– Ну и я с тобой, – этот, слов нет кто, даже кофе свой стал пить активнее. И глаза такие наивные.

– Разве, что пешком вслед побежишь, – рявкнула, не удержавшись, – я тебя, Петь, по хорошему пока прошу отстать. Не поймёшь, так заявление о преследовании напишу. С меня станется, ты знаешь. Я тебе не лань дрожащая.

– Ну, уймись, фурия! Ну, повздорили и ладно, мириться жарче будем, – пропел он. – Я уже готов подняться на второй этаж.

– Мне до фонаря, к чему ты там готов, – устало проворчала я, понимая, что он всё равно меня не услышит.

Как же ресторан ему дорог. Ты глянь, даже идиота из себя мастерски строит. Я отпила тёплого чаю, который передо мной поставил супруг подруги.

– В общем, сгинь из моей жизни и так, чтобы даже признаков твоего существования я не наблюдала, – закончила я свою мысль.

– Лиза, ты с ним обратно не спеши. У нас дорога сегодня плохая, – негромко шепнул Саша, – Ночью заморозки обещают сильные. Пережди до завтра и вместе со мной уедешь.

Муж у подруги мужик был толковый. Вот как раз такой, за спиной которого не страшно. Я обдумала быстро его слова. В них крылся здравый смысл. И готова была произнести, что согласна, как рядом раздалось:

– Давай, девочка моя, соглашайся. Ночь будет длинной – помириться успеем, может быть даже два раза.

Меня накрыло злостью.

– Нет, Саш, я сама засветлю. Ничего со мной не случится. У вас связь хорошо ловит, позвоню если что.

Подруга бросила на моего бывшего нехороший взгляд, словно уверовала только что в его полную неадекватность, и принялась собирать на стол.

Расслабиться у меня не получилось. Этот идиот, не понимающий слова «нет», постоянно меня донимал: то под столом ножку погладит, то начнёт усиленно пихать какой-нибудь салат, заваливая мою тарелку. Я раздражалась всё больше и больше.

Вокруг витало напряжение.

Смеркалось, когда я, наконец-то, взорвалась и, натянуто попрощавшись с хозяевами дома, сорвалась на выход.

Пётр, было, рванул за мной, но случилось непредвиденное чудо – его машина не завелась. Поставив на пассажирское сидение свой объёмный рюкзак со всем необходимым для молодой женщины и недельным запасом вещей (была у меня изначальная мысль отдохнуть подольше), я выкатилась на подмёрзшую дорогу.

На улице стремительно понижалась температура.

Через пять минут потемнело от невесть откуда нагнанных свинцовых туч, и с неба посыпался огромными хлопьями снег. Да так густо, что видимости упала до нуля. Я буквально ползла по дороге. Дворники не справлялись с мокрым снегом.

Но хуже всего было то, что машина стала дёргаться и глохнуть.

До трассы я не добралась. Встала намертво. Несколько минут пыталась завестись. Но ничего.

Вылезла из машины, открыла капот. Зачем? Я в этом всё равно ничего не понимала. Вернувшись на водительское сидение, поёжилась от холода и надела подбитую белым мехом тёмную куртку. Вытащила из кармана телефон.

Нет сети!

Да как так-то!

Что за непраха!

Моя машина всегда работала исправно. Бензина полбака. Осмотр на СТО недавно проходила. Что ей надо то?!

Я на эмоциях ударила кулаками руль и снова повернула ключи. Даже щелчка неслышно было.

Машина признаков жизни не проявляла.

Снегопад усиливался. На обочине уже образовались сантиметровые сугробы. Нужно было решать, что делать и срочно.

Вывод навязывался сам – возвращаться пешком в посёлок. Может быть, мне повезёт, и кто проедет мимо, да и заберёт.

Взяв свой рюкзак, застегнула куртку. Накинула на голову капюшон и вышла. Больше всего я сейчас боялась заплутать. Темно вокруг, метёт по сумасшедшему. Я шла вслепую, очень надеясь, что по дороге. Ориентировалась на кусты, которые росли по обочине. Да искала колею.

За спиной послышался неясный шум. Но через шапку и капюшон было плохо слышно. Вроде и свету прибавилось. Неужто машина. Обрадованно я развернулась.

И не успела отскочить.

Глухой удар. Боль в голове и ноге.

Упав набок, рвано вздохнула.

Хлопок двери и мужские голоса.

– Ты чё сделал?! Я же тебе сказал, баба какая-то идёт.

– А чё я-то!

– Куда гнал, баран!

– Рот завали и поехали.

– Куда? А она?

– Да, пусть валяется. Подберут, живая же. А у меня, если права заберут – с работы попрут.

Снова хлопнула дверь и, развернувшись, машина рванула назад. Я осталась лежать на земле.

Сверху ссыпался хлопьями снег.

Моё время остановилось и замерло.

Шевеля пальцами руки, я пыталась убедить себя, что всё хорошо.

Что сейчас полежу немного, и всё будет хорошо.

Эта странное онемение в теле просто временно. От холода.

Снег всё сыпал, создавая вокруг меня мокрую перину. Прикрывая глаза, я вдруг поняла, что плачу. От боли или от страха. Сама не знала. Просто крупные солёные капельки скатывались по моему носу и щеке.

И вдруг я явственно услышала шаги. Тихие.

Проморгавшись, я чуть приподняла голову и увидела красивейшую женщину. Правда, выглядела она немного нелепо. Расшитое серебром голубое, длиною в пол, пальто, подбитое богатым белоснежным мехом. Это одеяние очень походило на старорусский кафтан. Или на дорогой наряд снегурочки. И что странно, её голова была непокрыта, а на волосах не единой снежинки. И на одежде.

Присмотревшись, я с настороженным удивлением поняла, что снегопад, вообще, огибаёт её стороной.

Я подмечала все новые и новые странности: чересчур плавная походка, ни облачка пара при дыхании хотя холод такой, щёки бледные, а губы сочные, но не следа губной помады.

Женщина остановилась в паре метров от меня. Склонив голову, она закинула за спину толстую косу и улыбнулась.

– Здравствуй, Лизонька, – её голос звенел, что колокольчики, – вот так и обрываются нити ваших жизней. Страшно тебе, милая?

– Кто вы? – я сама себя не слышала. Шептала одними губами.

– Я, хорошая моя, матушка Зима, – она развела руками, и нас словно накрыло воздушным колпаком: снег валил буквально в шаг со всех сторон, а над нами нет. Это было очень странно, я снова покосилась на незнакомку.

– Я умерла? – эта единственная здравая мысль, что пришла в мою голову. Только так могла объяснить все творящиеся вокруг странности.

– Ещё нет, – женщина сделала маленький шаг ко мне. Тут же я услышала глухое рычание. За её спиной стоял огромный странный пёс, больше похожий на волка. И вид у него был

абсолютно бешеный. Оскалившись, он уставился на меня красными как раскалённые угольки глазами.

– Не бойся моего суженого, Лиза, он не причинит тебе вреда.

Мои глаза ослепило потустороннее сияние, и на месте волка оказался мужчина с копной словно седых волос. При этом обнажённый. Совсем.

И хуже всего, я лежала так, что и не отвернёшься.

Стыдоба!

Я тут умираю, а у меня перед глазами такой разврат.

Смешно стало. Я глухо болезненно хлипнула: смех застрял в моём горле. Не могла больше оценивать реальность происходящего.

И женщина эта и мужчина – волк с... такими размерами. Всё бред!

Наверное, я потеряла сознание и это мне мерещится. А быть может, смертельная агония.

– Ты очень рассудительная, Лиза. Спокойная и хладнокровная. Именно такая женщина ему и нужна. Идеальная пара.

Всхлипнув, я жалобно взглянула на незнакомку.

– Я не хочу умирать, – мой голос звенел в голове. – Не хочу!

Мужчина рыкнул и, подойдя ближе к матушке Зиме, обнял её со спины. Они так гармонично смотрелись. Мне стало завидно. Я ведь даже не любила по-настоящему, а так хотелось узнать, что же это за чувство.

– Я предлагаю тебе небольшое путешествие, и ещё один шанс. Выживешь – будешь счастлива, а нет... то лежать тебе в сырой земле, девонька. Хочешь рискнуть?

Она ещё спрашивает: я сейчас, наверное, на всё бы согласилась только за один звонок в службу спасения.

– Да, – перед моими глазами пульсировал чёрный туман, – я хочу жить. Позвоните в скорую.

– Ты не понимаешь, Лизонька. В этом мире нет у тебя будущего. Нить оборвана. Свеча твоей души догорает. Но я могу, пока ещё бьётся твоё сердце, перенести тебя туда, где закон – я. И тогда появится шанс на счастливую судьбу и долгую жизнь.

– Без обмана? – выдохнула я.

– Без обмана и подвохов. Но запомни – это твоё решение и отныне судьба твоя ни от кого не зависит. Проявишь силу воли, не поддашься паническому настрою, будешь внимать холодному рассудку в самых опасных ситуациях, примешь того, кто назовёт своей – быть тебе любимой. А нет, значит, смерть тебе подруга.

Её слова меня не напугали. То, о чём она сейчас толковала, для меня означало только одно – жизнь. И я согласна была на любые сложности.

– Я не хочу умирать, – в какой раз шепнула я, – мне не важны условия и не страшны препятствия. Надо будет сражаться – я готова. Только дай мне ещё один шанс.

– Будь по-твоему, и я не сомневалась, такие, как ты, даже в смерти ищут приключения и повод посмеяться.

Взмахнув рукой, кажется, богиня подняла с земли невиданный по мощи снежный вихрь. Он представлялся такой нереальной силы, что столб его уходил куда-то в небо. Ветер засвистел. Моё тело подняло и завертело. Рюкзак дёрнулся с моей руки, но я инстинктивно сжала на его лямках окоченевшие пальцы.

Мир кружился и вертелся.

Снег, комья земли, ветки.

Опустив взгляд, я увидела прямо под собой женщину и серебристого почти белоснежного волка. Она нежно поглаживала его по голове и улыбалась.

– Вот, Моеко, и вторая невестушка. Как думаешь, придётся по нраву она нашему суровому воеводе?

Зверь поднял морду и натурально завыл, будоража душу.

– Спасибо, – шепнула я, понимая, что всё вокруг реальность и сегодня ночью я не умру. Разум шептал, что такого не бывает, а сердце пело от радости, – спасибо – повторила я.

– Будь сильной, – волк смотрел на меня человеческими глазами, – мой мир не щадит слабых.

– Я запомню...

Продолжить фразу не успела. Меня подбросило и понесло куда-то вперёд, вернее, ввышину – в небеса. Снег слепил, налипал на кожу, а тело будто ломалось. Я слышала хруст своего позвоночника. Мгновенная боль и снова почувствовала собственные ноги. Дышать стало проще, и из головы ушёл туман.

Я была исцелена.

А мир всё кружился и вертелся.

Меня куда-то несло. Ощущение лёгкости. Улыбнувшись, выровняла положение тела, и попыталась посмотреть, что там подо мной, но из-за густого снегопада ничего не различала.

Время. Сколько прошло уже?

Почему я не испытываю страх?

Почему всё это кажется мне всего лишь приключением?

Прижав к груди чудом не улетевший рюкзак, пыталась понять саму себя.

Странное всё же ощущение. Предвкушение сказки.

Впереди на востоке разгорался рассвет, а подо мной слышались жуткие звуки: лязг металла, вопли, крики и рычание звериное.

Сглотнув, я почувствовала, как падаю.

Приземление вышло жестоким, аж дух вышибло.

Распахнув глаза, завизжала дурниной, наверное, впервые в жизни. Огромный бородатый мужик завис надо мной с топором. Да, видно чем-то был удивлён. Это дало мне несколько секунд, чтобы отскочить. На то место, где я только что лежала, опустился огромный топор, исчерченный рунами. Повторно взвизгнув, я схватила палку, валяющуюся рядом, и на отмах запустила в мужика. Это оказалась дубинка, и она зарядила моему обидчику напрямик в глаз. Кажется, мне сегодня фатально везёт.

Вскочив, рванула с места.

Я металась по кругу, уворачиваясь от мечей, дубин и, жутких нечеловеческих когтей, и совсем не понимала, куда и от кого бежать!

Где свои, где чужие. Кто воет?! С кем воет?!

Огромная толпа мужиков. Одни выражены в кафтаны на старорусский манер, вторые – обнажённые по пояс, а кто-то и полностью.

Схватившись за голову, я не понимала, как реагировать. Меня смех разбирал при виде обилия голых ягодич. Дичь какая!

Сбоку раздался душераздирающий рёв.

Обернувшись, увидела огромного мужика с фигурой, что шкаф трёхстворчатый. Смуглый, черноволосый, на его лице подёрнулась дымка, демонстрируя морду медведя.

– Мамаааа, – пропищала я.

И в этот момент, он словно услышал меня. Замер с занесённой рукой. Маска истаяла, и на меня в упор смотрел, не мигая, чёрными, как уголь, глазами молодой мужчина.

Жуткий до одури!

Глава 3

Размяв шею, оборотень взмахнул рукой, и со стоявшего перед ним на коленях мужчины скатилась голова. Только лезвие короткого меча сверкнуло на солнце.

Тело откинулось на спину.

Воин не сводил с меня взгляда, словно не мог понять – реальная я или нет. Над головой что-то вжикнуло и гигант, зарывав, двинулся в мою сторону. Резко развернувшись, я поняла, что по мою душу явился ещё один бородач с топором. Взвизгнув от накала адреналина, выругалась матом, да так, что и мужик подзавис. Не упуская свой шанс, скользнула под его руку, и понеслась, не разбирая дороги, к ближайшему лесу.

Не то чтобы я видела в нём спасение, скорее подчинилась стадному инстинкту.

Все воины, что были одеты, стремились именно туда. Уж не знаю почему. Но им, наверное, виднее, куда уносить своё брненное тельце надо.

Прижимая к себе большой рюкзак, бежала наравне с мужиками.

Жить, ну очень хотелось. А наличие за спиной странных людей с голыми задами, сносящих головы с плеч одним ударом, буквально окрыляло и прибавляло скорости.

Я не оборачивалась, хотя рык доносился до меня отчётливо. Шкафоподобный брюнет, похоже, не отставал.

Под ногами чавкала грязь попеременно со снегом. Чуть впереди упал мужик со стрелой в спине. Ещё один и ещё! У меня при виде этого душа в пятки ушла. Рядом что-то снова знакомо вжикнуло, и прямо передо мной повалился толстый дядька. Мне ничего не оставалось, как вскочить на его спину и пробежаться по телу.

О морали и этике подумаю позже.

Первые деревья. Раскидистые молодые ели. У меня закололо в боку, но я боялась даже помыслить о том, чтобы остановиться. Всё бежала вперёд с выпученными глазами, и пыталась сообразить, куда свернуть.

Где-то впереди заржали лошади, я рванула на звук. И быстро оказалась на круглой поляне. Народ спешно запрыгивал в низкие крытые повозки. Таких я не видала даже на картинках.

Смекнув, что это сворачивают военный лагерь, я спешно добралась до ближайшей телеги и закинула себя с рюкзаком на пару внутрь.

Телега тронулась.

Кажется, я была спасена!

Рядом со мной, тяжело дыша, сидели ещё несколько мужиков. Но сейчас я предпочитала не обращать на них внимания.

На поляну выскочили воины, ревушие как зверьё. Впереди мчался тот самый с чёрными глазами. Покрутившись, он быстро отыскал меня взглядом и рванул к нам.

– Чёрный медведь, – глухо шепнул кто-то рядом, – чего ему нужно?

– Может баба?! – ответил другой мужик.

– Так давайте отдадим, – чужая рука схватила меня за плечо.

Преследующий нас воин явно отставал от телеги. Слишком большое было между нами расстояние, да и возница гнал, не жалея лошадей.

– Тронете меня, я ему лично на вас пальцем ткну, чтобы головы оторвал, – прорычала я первое, что взбрело на ум. И сработало! Мужики резко отсели от меня подальше.

Медведь остановился и зарывал так, что поджилки затряслись. Жуть какая! Куда меня занесло? Что за дичь тут твориться?

Мы свернули на широкую лесную дорогу. Скорость возница не сбавлял.

– Мужики, а что, вообще, происходит? Кто это был? – негромко поинтересовалась я у тех, кто пару минут назад меня чуть зверью не сдал.

– Так война, – пробурчал самый косматый.

– Кого с кем? – потребовала я уточнений. Ну, уж не Вторая Мировая и даже не армия Наполеона то точно была. Я в истории не сильна, но француза от оборотня точно отличу.

– Как с кем?! С лесными, естественно. Ты откуда такая, вообще, взялась?

На меня вылупилось четыре пары глаз.

– С того света, – пробурчала я.

– С какого это того? – прищурившись, брякнул ближайший мужичок, который судя по состоянию его косм, расчёску никогда в глаза не видывал.

– Тебе, мужик, какая разница, откуда я? Едем мы сейчас куда?

– Так к князю, ясно дело, – космач пожал плечами. – Отступаем мы.

– Плохо, – у меня в голове табуном бегали панические мысли одна другой страшнее.

А между тем, повозки летели по дороге. И даже небольшой слой снега им был не помеха.

«Зима», – я внимательно всматривалась в окружающие меня пейзажи. Вроде всё знакомое: сосны, ели, дятел где-то стучит.

Может, я в прошлое перенеслась. Но нет, где это у нас мужики такие водились, и я сейчас не о лохмачах, от которых разило, как от бомжей. Вот эти рожи как раз привычными были. Но те, что остались позади. Хм. А может это, ну, какое-нибудь очень далёкое прошлое.

– Год сейчас какой? – негромко спросила я сразу у всех.

– 1872, – ответил всё тот же нечёсанный.

– От Рождества Христова?

– Дык, отколь мне знать, кто у вас там родился, – натурально проворчал он.

Ага. То есть не христиане!

– А вера у вас какая? – допытывалась я.

– Баба, тебя там, что пришибло знатно?! То и видно, полрожи в крови.

Я невольно коснулась щеки. На пальцах осталась крошащаяся сухая корочка крови. Раны при перемещении мне, видимо, залечило, но вот кровь осталась. Помыться бы, а то выгляжу, наверное, не хуже этих. Я зыркнула на местный контингент. Надеюсь, хоть вшей у них нет.

И всё же, информации у меня было до обидного мало.

– Слушайте, – снова принялась я допрашивать мужичков. – Ну, Боги-то есть? В богов-то вы верите?

– А чего в них не верить?! – хмыкнул молчавший до этого воин в разорванной и окровавленной куртке, похожей на дублёнку. – Ходят они своими тропками да беспредел чинят. Покоя от них нет.

– Это какой такой беспредел? – это уже было интересно.

– А кто лесных на нас натравил?! Уж не сами же она со своих берлог повылезали. Как пить дай, кто-то из бессмертных развлекается, – проворчал мужик. Остальные закивали со знанием дела.

– Угу, – сказать мне было нечего, спросить пока тоже.

Солнце уже поднялось над макушками деревьев, когда повозка, наконец, остановилась. Не успела я сообразить, куда попала, как к нам подскочили несколько солдат и, ухватив меня за ноги, поволокли наружу. Я закричала и принялась брыкаться, за что и получила чем-то тяжёлым по затылку.

Казалось, на мгновение я потеряла сознание. Но быстро пришла в себя и принялась сопротивляться с большей силой.

– Вы куда, гады, меня тащите? – завопила я.

– Заткнись, женщина! – я снова получила затрещину, только уже по щеке.

Хорошенько меня встряхнув, детина волоком по земле потащил в большую палатку. Даже издали она буквально вопила о том, что там обосновался некто состоятельный. Здесь посреди леса в грязи ядовито-жёлтые тона, в которые было выкрашено сие строение, выглядели нелепо и смешно.

По мере приближения, я сообразила, что это кто-то так кричаще испортил меха. Если бы не вся ситуация, я, наверное, посмеялась. Меховая палатка!

Безвкусица, вульгарщина и нелепица!

Затащив меня внутрь этих хором, мужик, наконец, разжал руку, позволяя мне мешком упасть к его ногам. Я глухо крикнула и замерла, желая узнать, что же дальше.

– Это что за баба, Корось? – меня передёрнуло только от одного этого скрипящего голоса. Не мужик, а расстроенная волынка.

– Так, князюшка наш светлый, это бабёнка главного ихнего. Он за ней аж за телегой побежал, – схватив снова за шиворот, меня приподняли и покрутили словно котёнка.

– Раз его, чего же упустил. Или не по вкусу пришёлся чёрный, – лениво поинтересовался князь.

– Дык, кто знает. Может, и не приглянулся. Девка, видно, ноги перед ним не раздвинула, так и не спешил её отбить. Хотя, мужики говорят, бежал как пчёлами гонимый. Рычал аж до кишечков пробирало.

«Ага, нормальные» – зло процедила про себя я.

Осторожно подняв голову, глянула на того, кто восседал передо мной на резном стуле, напоминающем трон. Плотнo сжав губы, чтобы не рассмеяться, снова уткнулась лбом в землю.

Ну, что за пафосный придурок.

Кажись, не в ту сторону я на поле боя побежала. Тот мужик с голым торсом, как-то стремительно подрос в моих глазах.

– Встать! – скомандовали, видимо, мне.

Тяжело вздохнув, поднялась на ноги и окинула взглядом то, что сидело передо мной. Вот «ни рожи, ни кожи» – это как раз про него. Невзрачный мужичок, с рыхлой мордой, мышинными глазками и волосюшками, сосульками свисающими по бокам вокруг лысины. Страшон донельзя!

– Кланяйся, – громогласно заявил он.

– Чего? – наверное, вся гамма-чувств, что я испытывала сейчас, проступила на моём лице.

– В ноги! – взвизгнуло лысое нечто. Сзади кто-то больно пнул меня под колени. Я упала. И так унижительно стало. Я ещё у мужика в ногах не валялась!

– Имя? – провизжало оно, рыхлое что-то.

Я поджала губы. Отвечать, вообще, не хотелось.

– Высесть её розгами, – это махнуло на меня рукой, – а как голос прорежется, так приведёте обратно.

Не успела я и пискнуть, как меня потащили на выход. Я брыкалась, как могла. Лягала мужиков ногами, но вырваться не могла. Отобрав у меня рюкзак и сдёрнув куртку, привязали за руки к двум столбам. Я всё не могла поверить, что происходящее реальность. Задрав на спине футболку, мне натянули её на голову. Воздух рассёк свист, и спину опалило огнём. Не ожидая такой боли, я закричала, не жалея голоса.

Ещё удар и ещё.

Словно железом жгли. Нехристи!

Перед глазами плясали красные искры. Сжав руками верёвки, я верещала в голос.

– Достаточно, – этот скрипучий мерзкий голос я запомню. Ничего, жива буду – сочтёмся. Я запомню, и розги и «кланяйся». Сам поклонится, козлина лысая.

– Поднимите её!

Кто-то схватил меня за волосы и потащил вверх. Голову мне невольно пришлось задрать. Передо мной стоял всё тот же рыхломордый сморчок, только теперь уже в белоснежной шубке. Наверное, от пережитого или на нервах, но я рассмеялась. Мысленно молила себя закрыть рот, но истерика набирала обороты.

– На колени её!

Снова болезненный пинок по ногам. Я рухнула, клацнув челюстью, и прикусила себе кончик языка.

Подойдя ближе, местный князь задрал ногу и поставил сапог на моё плечо, с силой нажав. Ухнув, я повалилась вперёд, но вовремя выставила перед собой руки. Теперь я стояла на четвереньках.

– Гордая тварь и тупая. Значит, вот такая баба у чёрного воеводы. Что же, обрезать ей косы!

Я подвисла, видимо, те, кто стоял за моей спиной тоже. Кос у меня не было, стрижка до плеч.

– Ааа! Вижу, кто-то уже поставил тебя таким образом на место, – быстро нашёлся сморчок. – Я желаю знать, где лагерь лесных. Не ответишь – заживо закопаю.

Я молчала. Ну, откуда мне было знать, о чём он, вообще, у меня выведывает. Лесные, лагерь, прикопаю – словно к браткам на разборки попала.

– Отвечай!

– Не знаю, – ровно произнесла я.

Давление сапога на моём плече усилилось.

– Я сказал: говори!

Вот вляпалась. Дёрнув плечом, попыталась скинуть его ногу, но не вышло, качнулся, но устоял заморыш.

– Где?! – его голос уже дребезжал от истерических ноток.

– Да, в лесу! Где же ещё быть лесным, – выдохнула я, морщась от боли.

– Тупая баба, конкретно где? – на мою щеку прилетели капельки слюны. Это как же его разбирает-то. Уже ядом плюётся.

– Где?! – дурниной рычал он.

– Не помню, ёлки там растут, – ну, не знала я, что говорить, а жить-то хотелось.

– Дура! Закопать её живьём, и обозначьте место, пусть её медведь землю там роет. И сдохнет рядом от тоски. Всё польза от неё будет.

Убирая ногу с моего плеча, он больно пнул по руке. Не мужик, а гадёныш. Тот, что стоял за моей спиной дёрнул за волосы, пытаясь поднять.

– Не имеете права, – вырываясь, заголосила я.

Всё ещё не верилось, что это реальность. Может, я в больнице под наркозом лежу. Резкий удар в бок быстро отрезвил. Понимая, что никто ко мне жалости проявлять не собирается, зло глянула на этого князька.

– Ещё сочтёмся, сморчок, – процедила я. Внутри пламенем разгоралась жажда мести. – Я тебя сама закопаю.

– Увести! – взвыла эта падаль.

Меня поволокли по земле в сторону леса. Спина нестерпимо болела, но никто её не щадил. Сделав рваный вдох и выдох, призвала себя к порядку. Мужик был всего один.

Здоровый гад, но один!

В руке у него была лопата. Зажмурившись и кряхтя от боли, я молила высшие силы, чтобы этот олух оказался дураком. Или чтобы мне подвернулся случай сбежать. Да, наивно, но что ещё оставалось делать?!

Мы углублялись в лес. Миновали редкий ельник и остановились. И лагерь недалёко и место укромное.

– Ну, как? Нравится сосенки? – поглумился мужик. – Здесь и будет тебе яма.

Бросив меня на землю, этот душегуб принялся активно копать. Значит, не шутка. Выходит, живьём в могилу. Я не двигалась. Бежать смысла не имело, я у них в лагере собак свору видала. Поймают быстро, тут нужна хитрость.

Мужик, видимо, неслучайно выбрал это место: земля оказалась рыхлой и яма буквально на глазах увеличивалась в размерах.

Пробежали минутки. Собрав горсточку грязного снега, растёрла руки. Не знаю зачем, от волнения, наверное. Со стороны лагеря донёлся звонкий лай собачьей своры.

– Ааа, – могильщик оторвался от своей работы, – охотники прибыли. Пожрать привезли. Три дня уж на сухарях, а всё мужик твой. Борзый зверь.

Работа пошла активнее. Он желал побыстрее меня прикопать и вернуться в лагерь. В голове царил пустота: ни намёка на план.

Откинув лопату, мужик схватил меня за ногу и потянул в яму.

Я заверещала и принялась вырываться, дёргая ногами. Даже не смотрела, куда пинаю. Гаду это по нраву не пришлось: навалившись сверху, мужик обдал смрадным дыханием моё ухо.

– Ну, на прощанье развлекаешь меня. Чего добру-то пропадать. Раздвигай ноги – ублажить меня сможешь, так прибью, прежде чем схоронить.

Грубые ладони сжали мои бёдра. Поняв, что он от меня желает, дёрнулась. Но он лишь сильнее навалился и, поймав мои ладони, сжал их в одной руке, заведя за голову. Вторая рука пробралась под футболку и нагло шарилась по моему телу.

Мы лежали в могиле. Извиваясь под своим обидчиком, увидела край черенка лопаты прямо над собой.

Замерла.

Видимо, решив, что сопротивление подавлено, мужик отпустил мои руки. Это стало его ошибкой. Со всей дури я залепила ему в ухо кулаком.

Вскочил и заголосил.

Я мгновенно сориентировалась и, ухватив лопату, поставила её между собой и своим палачом. Я всё ещё лежала. А он не успел понять, что случилось, и резко двинулся на меня. Остриё лопаты мягко вошло в его горло.

Такое удивление застыло в его глазах.

Всклипнув, я вскочила, а моё место в могиле тут же занял покойник.

Дёрнув лопату, зачем-то выкинула её из ямы и вылезла сама.

Меня трясло. Руки не слушались. Схватившись за голову, закутилась волчком на месте. Спина горела огнём.

Всё тело ломало, но мне никак нельзя было сейчас проявлять слабость. Глянув на тело мужика, поджала губы.

Что же – собаке собачья смерть. А вот вещички его мне пригодятся.

Вот теперь у меня появился план. Не самый лучший, но хоть какой-то.

Глава 4

Итак, мне нужно убраться отсюда подобра-поздорову.

Ну, совсем здоровой не получится, но хоть живой.

А для этого придётся пройти через весь лагерь и выйти на единственную тропинку. Куда она ведёт, одни черти лесные и знают, но неважно. Там разберёмся. Главное, ко вторым воякам в лагерь не попасть, а то может там пострашнее князя водятся.

Ещё этот труп.

Мой взгляд упал на тело в могилке. Я понимала, что совершила. И полностью отдавала себе отчёт и в том, что делаю сейчас. На улице зима. Я замерзала, и мне необходимы были вещи. А рюкзак всё ещё находился в лагере. И его нужно добыть.

Но при этом быть незаметной. Я снова глянула на своего очокурившегося палача. Ну, думаю, он уже на меня не в обиде будет.

Я спешно стаскивала с покойника верхние вещи. Брезгливо поморщившись, надела его куртку и шерстяную шапку с мехом внутри. Она чем-то напоминала ушанку и завязывалась под подбородком. Вытерев грязной рукой с лица слёзы, взялась за лопату. Мне нужно было закопать покойника, чтобы не обнаружили его прежде, чем я уберусь отсюда подальше.

Закидывая в яму землю, старалась ни о чём не думать.

С совестью своей я разберусь потом, а сейчас главное, сделать отсюда ноги. Этот мир страшен, и чтобы выжить – придётся ему соответствовать.

Работа шла: на ладонях с непривычки появились две небольшие мозоли. Да, я белоручка, но это ничего. Всё заживёт. И забудется.

Сформировав холмик, повернулась в сторону лагеря. Там, как муравьи, бегали люди, каждый выполняя свою работу.

Шла, буквально не дыша.

Мимо проходили мужики, но никто даже не взглянул на меня.

Вот так дрожа как заяц, я добралась по тропинке к загону с лошадьми. Именно здесь обнаружила сваленные вещи. Даже думать не хотела, чьи они. Молча, вытащила свой рюкзак и отступила. Но тут же сообразила, что меня с ним быстро вычислят. Уж больно отличалась моя сумка от остальных. Присев, выбрала самый страшенький мешок, наподобие тех, в которых бабульки дачницы картошку хранят, и сунула своё имущество в него.

Разогнулась с трудом. Досталось мне знатно.

Свернув на большую тропинку, двинулась из лагеря.

– Эй, пацан, чего шляешься без дела – лопату бросай, топор в руки и по дрова, – горла-нили мне в спину.

У меня душа в сапоги упала и претворилась там мёртвой.

Развернувшись, не дыша, подошла к косматой детине, которая больше йети напоминала, чем человека, воткнула в землю лопату и взяла один из трёх, валяющихся у его ног, топор и смиренно пошла, куда послали.

– Вещи брось, – остановившись, я, было, уже выполнила, что сказали, но шальная мысль стрельнула в голову.

– Утрут опять, у меня здесь всё, что нажито, – мне даже голос под мужской подделывать не нужно было, когда пороли, так наоралась, что хрипела не хуже пацана.

– Ладно, но, чтобы работе не мешало, – я кивнула и спешно рванула в лес.

Естественно, ничего рубить я не собиралась, но и топору была рада. Станный он был. Лёгкий.

Углубившись в лес, сориентировалась, примерно, где дорога, и попробовала побежать. Бок заколол сразу. Схватившись за ствол тонкого дерева, согнулась пополам.

– Пешком, – прохрипела я самой себе.

Никогда бы не подумала, что такое возможно. Я, конечно, благодарна, что не умерла, но мир предпочла несколько иной – с единорогами и феями, ну и принц не помешал бы.

А это какая-то совсем недетская сказка получается.

Поплутав немного, заметила узенькую дорожку. Ну, шириной она была буквально в две мои ноги, поставленные вместе. Спотыкаясь, я брела по этой странной тропинке, которая петляла вдоль оврагов и огибала кустарники. Мой мозг словно спал, я просто перебирала ногами, и пыталась понять, куда мне идти-то.

Лес становился темнее и дремучее.

Не соображая, куда ведёт меня тропа, остановилась. Если тут ходили люди, то куда? Отдышавшись, снова двинулась вперёд: деревья расступились, и передо мной раскинулось лесное озеро. На пологом песчаном берегу бродили настоящие косули.

«Это звериная тропа» – наконец-то, дошло до меня.

Не человек её протоптал. Вот дурная моя голова. Пройдясь вперёд, я уселась на поваленное дерево у самой кромки воды.

Я заблудилась.

Солнце клонилось к горизонту.

На улице холодает, живот пустой.

Дело, мягко выражаясь, – дрянь.

И стоило ли марать руки в крови, чтобы сейчас вот тут насмерть замёрзнуть?!

«Стоило» – шепнул внутренний голос.

«Что делать?» – мимо меня прошли две косули. Они и не думали бежать, словно я для них не существовала. Поставив на землю мешок с рюкзаком, тяжело вздохнула. Я леса-то никогда не видела. Городские парки не в счёт. Что нужно в таких случаях делать? Как развести костёр? Где достать еды? Что здесь, вообще, есть можно?

Мой взгляд метнулся в сторону беззаботно прохаживающихся косуль. Вот она еда – да не по зубам. Не с топором же за ними по лесу бегать.

Раздражение накатывало волнами.

Словно назло, с неба повалил густой снег. Да, не снежинками, а прямо хлопьями, заметая всё вокруг.

Я сидела и пялилась на затянутую тонким ломким льдом водную гладь. Ни одной здоровой мысли в голове. Вот это я попала, так попала. По самое не хочу, но надо.

Позади хрустнула ветка. Косули, что стояли в паре шагов от меня, повели ушами и замерли.

Не к добру. Вскочив с топором, я быстро осмотрелась. По той тропке, что вывела меня сюда, медленно шёл настоящий чёрный медведь. Здоровый, упитанный. Шкура лоснится. Морда не в каждую дверь пролезет.

Поняв, что я ему не соперник, подхватила свой мешок и, волоча его по земле, тихо отступала к ближайшим деревьям.

Зверь, видя мою попытку к бегству, замер.

Я воспользовалась моментом и рванула.

Но куда там. Боль скрутила такая, что дыхание спёрло. В голове помутилось и, потеряв равновесие, я упала на колени, больно ударившись. За моей спиной трещали кусты.

Бросив сумку, быстро запустила в неё руку и нащупала дезодорант в рюкзаке. Выдернув флакон, сдёрнула крышку и сжала сильнее во второй руке топорик.

На что надеялась с таким оружием да против медведя?!

Но раз уж мне сегодня фатально везёт, то чего уж там.

Громко хрустнула очередная ветка и из ближайших кустов высунулась морда зверя.

Полагаясь на эффект внезапности и неожиданности, я заверещала дурниной и выпустила струю дезодоранта прямо в эту самую харю. Над лесом поплыл аромат лимона и корицы.

Моргнув, медведь взглянул на меня ошалевшим взглядом, и чихнул, да так громко, что, икнув, я издала повторный воинственный клич, и замахнулась топориком.

Медвежья морда скрылась в кустах. Догадливый оказался. Понял, что обедом тут не пахнет.

Пихнув дезодорант в карман куртки, подхватила сумку и поспешила убраться с поляны подальше. Мало ли кто тут ещё бродит, или медведь решит вернуться и ещё раз испытать удачу.

Пробежавшись вперёд, остановилась и мешком опустилась прямо на холодную землю, запорошённую снежком. Всё! Я выдохлась. Если ещё что-нибудь случится, я слёзно буду проситься обратно.

Это не мир – это филиал средневекового ада.

Не хватает чумы и врачей в масках с клювом.

Меня передёрнуло от собственных фантазий. На всякий случай я сплюнула через левое плечо, а то мало ли ещё накличу.

Сделав глубокий вдох и выдох, я, наконец, расслабилась.

– Жить хочешь? – этот вопрос эхом раздался надо мной.

Не в силах произнести и слова, я только кивнула. А рука медленно потянулась в карман. Но кто-то за моей спиной резко выдернул баллончик и подозрительно рыкнул.

Повисло молчание.

Обернуться я не решалась. Просто не представляла, кто может шастать в глухом лесу и с какими намереньями. Тем временем огромная ручища мелькнула у меня перед лицом и попыталась выдернуть топор. От такой наглости я нахмурилась и прижала своё имущество к груди.

Нечего последнее оружие у меня отнимать!

– Я ещё раз спрашиваю, жить хочешь? – горланули надо мной.

– Хочу, – проворчала, кивнув, – но только с топором!

Тихий смех резанул по нервам.

– И дезодорант отдай, – добавила я, нагляя.

– Отдам, если пообещаешь, не брызгать им в моё лицо, – примирительно сообщил некто.

– Да, больно надо, – прорычала я.

– Вот и договорились, – негромко почти над самым ухом произнёс мужчина. – Так вот, если хочешь выжить, то тебе стоит прекратить от меня бегать.

Пожав плечами и совсем ничего не понимая, я всё-таки обернулась и открыла рот. Потому как увидела знакомого шкафоподобного мужика. Обнажённого.

Совсем обнажённого.

Ни клочка одежды.

И главное, снег идёт, а там вот всё не мёрзнет как-то. Не ужимается, а интригует размерами.

Я никогда не была стыдлива, но сейчас захотелось прикрыть лицо ладонями или бросить в этого бесстыдника тряпкой какой. Чтобы срам занавесил. Шторку бы ему или ширмочку на бёдра повязать длиною до колена. Конечно, я преувеличивала, но... Но!

Чувствуя, как горят от смущения щёки, я таки прикрыла рот и обняла себя за плечи. А у самой взгляд, нет-нет, да и туда опустится. Нет, ну ни стыда, ни совести.

– Что так плохо тебе? – кажется, он совсем не понимал, чего я тут мнусь и краской заливаюсь.

Я глянула в лицо незнакомца. Ну, точно он: тот самый с маской медведя. Короткие тёмные волосы, карие глаза, габариты – не в каждый дверной проём протиснется. Наверное, это

самый огромный мужик из всех мною виденных: его бицепс с моё бедро в обхвате. А кубики, живот плоский и линии эти ведущие к...

Кхм. Прикрыв ладонью лицо, я плотнее прижала к себе топорик.

– Что такое? – допытывался он.

– Ничего, – прошептала севшим голосом, – заблудился я. Не подскажите, в какую сторону идти?

Я решила прикинуться парнем. Ну, мало ли какие у них тут нравы. Тот, что живьём прикопать собирался, не раздумывая, полез снимать мне штаны. Кто знает, может, и у этого то же на уме.

– Смотря куда ты идёшь... мальчик, – странно усмехнувшись, произнёс здоровяк.

Поёжившись от холода, растерялась и не знала, как дальше себя вести и что отвечать. Вот куда я иду? Хм. А не ведомо мне. Наверное, эмоции слишком ярко отразились на моём лице, потому как улыбка незнакомца стала шире.

– Дезертир? – поинтересовался он.

– Не-а, – я покачала головой, – я этот...

И снова ступор.

– Дровосек? – мужчина опустил взгляд на мой топор, который я прижимала к груди, как дитя.

Я медленно кивнула. Дровосек?! Ну, пусть будет дровосек.

– И что же ты, дровосек, так далеко в лес зашёл? – он откровенно надо мной потешался. Это раздражало и сбивало с толку. – Не знаешь, что тут территория лесных?

– Кого? – не поняла я.

– Лесных, – левая бровь незнакомца приподнялась, а в глазах столько озорства. Весело ему. Я тут замерзаю, с голоду пухну, а ему хиханьки. Подняв ворот куртки, зыркнула на голый торс чужака и поёжилась.

– Вам в таком виде не холодно? – этот вопрос сам вырвался, я даже не подумала, что спрашиваю. Ну, как бы зима, снегопад, лес и нудист, надо признать, с обалденной фигурой.

– Нет, мне не холодно, а тебе... мальчик? – хмыкнул воин.

– Холодно, – честно призналась я, – и есть хочется.

– Тогда я повторяю вопрос, куда ты идёшь?

Кхм, и что ответить? Приподняв бровь, взглядом попросила подсказать мне с ответом, потому как сама ничего путного придумать не могла. Не знала я, куда можно идти в лесу.

– Наверное, туда, где покормят и помогут согреться, – быстро сориентировался он.

– Да, – я встрепенулась, и даже как-то радостно закивала, – туда я и иду? А это где такое место?

– В лагере лесных, – ответил он, гипнотизируя меня темно-карими очами.

Услышав про лагерь, я вздрогнула. А вдруг сейчас за ним пойду и вернусь обратно. Где гарантия, что это не один из тех, кем правит тот лысый князёк. Хотя, нет, как он его назвал – чёрный медведь, воевода. Кажется, до меня кое-что стало доходить. Это с его женщиной меня спутали и хотели ему же назло прикопать. Интересно всё получается.

– В лагерь не нужно, мне желательно от него, – глухо пробурчала я и отошла на шаг.

– А ты была в лагере людей? – заметив мой манёвр, он подошёл ближе и встал почти вплотную.

– А это, где правит расфуфыренный сморчок с безволосым озером на голове? – уточнила я на всякий случай и снова отошла.

По берегу разнёсся громкий смех. Сухой камыш качнулся. Над нами вспорхнула ворона, и огласила лес мрачным карканьем.

Незнакомец явно оценил мою не совсем шутку. Правда, теплее мне от его веселья не становилось, а холоднее очень даже.

– Послушайте, я не знаю, кто вы, но я не воин, и мне нужно туда, где спокойно и безопасно. И желательно, есть работа, – процедила я.

– Дровосеком? – уточнил он.

– Да, – я кивнула, но, быстро спохватившись, исправилась, – нет, поваром.

– Повар?! – незнакомец опять подошёл. Казалось, он, вообще, не желал соблюдать дистанцию.

Смущённо я перевела взгляд на озеро.

– Я Иоран Калле. Слышал обо мне, парень? – раздалось надо мной.

Я покачала головой.

– Я предпочитаю, когда мне отвечают, – склонившись, шепнул он, согревая дыханием мой лоб.

– Нет, – с трудом отстранившись, пробурчала я, – не слышал.

– И хорошо, меньше предрассудков, – хмыкнул он, и схватил меня за руку. – Я военачальник армии лесных. Здесь нет безопасного места, кроме моего лагеря. К людям я тебя выводить не собираюсь. Хотя, их лагерь недалёко отсюда.

– Мне туда не надо, – быстро отчеканила я, – мне туда, где работа и еда, можно работу за еду. И безопасно. Чтобы никто не тронул, – дёрнувшись, я освободилась из его захвата.

– Тогда давай сюда свой мешок и пошли. Он протянул руку, но я крепче вцепилась в своё имущество, не желая его кому-либо отдавать.

– Не доверяешь? – лесной воевода поджал губы.

Нахмурившись, промолчала.

– Ну, что же, тащи сам, значит, но придётся поспешить: после заката лекарь наш отправится в ближайшее селение, а у тебя пол-лица опухшее, нужно подлечить.

Развернувшись, он пошёл в сторону узенькой звериной тропы, сверкая накачанными упругими ягодицами.

– А, может, вы всё же оденетесь, – пробурчала я.

Ну, смутил он меня жутко. Ни то чтобы я столь мускулистых мужчин не видала, но вот конкретно этот индивидуум меня волновал.

Обернувшись, он как-то подленько усмехнулся, и вдруг меня ослепило странным сиянием. Проморгавшись, я увидела перед собой снова огромного чёрного медведя.

Подавив жгучее желание закричать, я встала истуканом. Это как? КАК?

– Так, спокойно, – шепнула сама себе.

Ну, чего я разволновалась? Просто передо мной оборотень. Кивнув самой себе, продолжила глазеть на зверя. Медведь недовольно зарычал и головой указал в сторону тропы.

В общем, мне было страшно, но перспектива замёрзнуть или умереть с лютого голоду быстро придала мне смелости и отваги. Медленно словно старуха, я поплелась куда позвали.

Глава 5

С трудом поспевая за медведем, я передвигала ноги на чистом упрямстве. И пыталась не сойти с этой узкой звериной тропы. Правда, всё больше мои мысли занимали местные кустарники, наверное, под ними так удобно лежать. От усталости я дремала на ходу.

Кровь на спине пропитала подклад куртки и запеклась. При этом я чувствовала, что ткань прилипла к ранам, и каждое движение причиняло боль. Не сильную, но дёргающую.

Как я куртку снимать буду, ума не приложу?!

Это же отдирать придётся. И пусть на спине раны неглубокие, судя по ощущениям, но менее болезненными они не становились.

Не умела я терпеть такие муки. Да, я даже в детстве коленки не раздирала. Синячок – уже трагедия. Порез на пальце – сразу пластырь и мирамистин в ранку. А тут высекли! Ни за что! Ну, дай Боги, свидимся с этим сморчком, удушу гада и не пожалею.

Никто никогда не смел поднимать на меня руку!

Сердито вздохнув, осознала, насколько устала. Я не бегала, наверное, со времён учёбы: тренажёры в спортивных залах не в счёт. Это совсем не то. Моё тело оказалось просто не готово к таким нагрузкам. Да и по голове меня знатно приложили.

Перед глазами плавали странные чёрные мушки, а в висках отдавался каждый звук. В какой-то момент я просто остановилась и согнулась пополам. Мне нужен был передых.

Хотя бы пару минут.

На яркую вспышку я даже внимания не обратила.

– Что такое? – голос перевертыша резанул по ушам, и я сжала голову ладонями.

– Помолчи, – взмолилась, мечтая прилечь, где в тепле и темноте. И ещё есть хотелось страшно.

– Так устал? Или рана серьёзная? Только не ври и не умалчивай, – мой неожиданный спаситель положил ладонь на мою спину, отчего я зашипела змеей и выпнулась, сделав шаг вперёд.

– Спину покажи, – скомандовал воевода.

– Нет, – рыкнула я.

– Я сказал, спину оголи? – рявкнул он и дёрнул за полу куртки.

– А больше ничего тебе не оголить?! – не разгибаясь, проворчала я и выдрала из его ладоней ткань.

– Рана серьёзная? – не унимался лесной перевертыш.

– Нет, я просто устал. Меня ударили по голове и всё, что я хочу – это минута отдыха.

Зажмурившись, я глубоко вдохнула и выдохнула, пытаюсь справиться со слабостью.

Вспышка света и перед моими глазами появились две мощные звериные лапы.

– Я не могу дальше, – шепнула заплетающимся языком. – Иди сам. А я отдохну.

В голове помутилось, и я качнулась. Попыталась за что-нибудь ухватиться и поймала рукой шерсть, дёрнув её. Но зверь и виду не подал, что я причинила ему боль. Уткнувшись носом мне в колени, медведь просунул между моих ног свою голову, и буквально взвалил меня на себя. Правда, при этом, мой нос ткнулся в его короткий хвост, что меня слегка в чувство-то привело. Встрепенувшись, я села ровнее, но всё равно как-то это неправильно было – спиной вперёд ехать.

– погоди, – захрипела я, – дай перевернуться.

Как древняя старуха, проклиная этот мир и его обитателей, что организовали мне огромную шишку на затылке, я перекинула ноги и села правильно.

Мы снова двинулись вперёд.

Я старалась не думать на чьём горбу еду к вечерней трапезе. Всё, что меня волновало – это как согреться и чего бы съесть.

Сжимая в ладонях густой мех, боролась с соблазном прилечь и использовать этого то ли медведя, то ли мужика, как мягкий матрасик. Спать хотелось ужасно.

Но нужно помнить, что в его глазах я мужчина, и вести себя соответственно.

Мы все шли и шли.

Шли и шли.

И снова шли.

Плюнув на свой мнимый пол, я таки увалилась на медведя, и изобразила раненого бойца. Помирающим можно и поспать на боевом товарище.

Он и ухом не повёл, а значит, всё нормально.

Темнело, под лапами зверя хрустели сухие ветки. Над нами долбил дерево дятел. Холодало и снова повалил снег. Вокруг дремучий лес стеной, ни намёка на цивилизацию.

Куда он меня тащит? В какие дебри?

Наконец, мы обогнули небольшой ельник, и вышли на широкую поляну, в центре которой горел огромный костёр.

Я всё же выпрямилась и попыталась слезть с моего временного извозчика, но его грозный рык меня остановил. Замерев истуканом, только и прижала к себе мешок со своими вещами.

Что, опять попала?

Ну, надеюсь, хоть закапывать не станут?

Услышав громогласный рёв, в нашу сторону побежали два воина. Оба обнажённые по пояс: хотя тут все светили голыми торсами. Сглотнув, я приготовилась к неприятностям.

Прямо перед моим лицом вдруг вспыхнула шкура и, странно крутанувшись в воздухе, я неожиданно даже для себя оказалась на руках своего спасителя.

– Вы чего это? – пропищала я. – Поставьте на землю. Я что вам – лань трепетная, что вы меня на ручки подняли.

Здоровяк поймал мой взгляд и снисходительно улыбнулся. Его бровь медленно поползла на лоб.

– Нет, ну, что ты, мальчик, какая же ты лань, – услышала я от него.

– Вот и поставьте меня на ноги, – зашипела я.

– Конечно – конечно, такого сурового парня так унижать, – к счастью, он действительно спустил меня с рук. Выпрямившись, я разве только не рыдала. Спина саднила жутко, перед глазами чёрные круги плывут.

– Вот вам... мальчик, – медленно произнёс военачальник своим людям, – обогреть и накормить. И пристройте к Фаву. Чтобы ни волоска с его головы не слетело.

Мужчины странно на меня глянули, подозрительно улыбнулись, но промолчали.

– И лекару его покажите. Кровью несет за милую, – грубее приказал воевода.

– Ушёл он уже, – один из воинов махнул рукой куда-то на лес.

– Так рано? – медведь осторожно положил свою ручищу на моё плечо и подтянул к себе.

– Ну, кто же знал, чёрный, – с долей сожаления пробубнил второй воин. – Мы проследим за парнем. Если плохо станет – кто из быстрых метнётся за ним. Запах скажет, если крови станет больше.

Я сглотнула. Как-то не подумала, что от меня запах есть. Осторожно отогнув ворот куртки, принюхалась. Ужас. Мне срочно нужен душ или что тут у них есть.

– Ну что же пойдём... паренёк, – хохотнули мужики и подхватили меня под руки, выдирая из объятий медведя.

– Отпустить! – взревел мой спаситель, да так, что я подскочила как ужаленная.

Его тяжёлый взгляд прошёлся по моей фигуре, скрытой под длинной курткой. И было в его глазах что-то такое, что у меня щёки покраснели от стыда.

– Да, поняли мы, Чёрный, что это за парень такой: никто не тронет и пальцем.

Оскалившись, военачальник кивнул, а я как-то растерялась. Это какой такой я парень. Вот не понравилась мне эта конкретизация. Тем временем меня снова подцепил под локти, и утащили в сторону костра. За ним обнаружилась полевая кухня.

Еда!

Еда! Еда! Еда!

Боги с ними, с мужиками и их странным поведением.

Главное, что кто-то сейчас будет кушать! Еду!

Все свои тревожные думки, я отодвинула в сторону. Передо мной обрисовалась цель номер один – добыть провизию.

– Фав, ты где?

За наспех сложенной из досок и чурок лавкой проглядывалась нечто огромное. Оно лежало на земле, и главное, это что-то храпело. Услышав крик, гора стала подниматься. Передо мной предстал самый косматый человек из всех мною виденных. Лицо полностью закрывала борода, только глаза и видны были. Густая спутанная кудрявая шевелюра спускалась на плечи.

Снежный человек не иначе.

– Опять пьёшь, лось? Иоран тебе вот мальчика прислал в подмогу. Пылинки с него сдувай, чтобы сыт и обогрет был.

– А! – космач окинул опешившую меня нечитаемым взглядом. – Это будет забавно. Ну, что же, оставляй сие сокровище. Готовить-то умеешь?

– Естественно, – пробормотала я, – а лось – это прозвище.

Ну, не могла я не спросить.

– Нет, это моё второе лицо, – недовольно пояснил бородач.

– Лось! – я приподняла бровь.

– А что? – недовольно проворчал он.

– Да, нет, – я пожала плечами и, не удержавшись, хихикнула, – ничего.

Фав что-то пробурчал себе под нос и кивком указал на узкую лавку возле стола.

– Садись, покормлю. Голодный, наверное.

Ещё бы. Дважды повторять не пришлось. Бросив свою сумку на землю, я уселась, куда сказали, и схватила большую деревянную ложку. Мой взгляд заметался по огромным чугункам, стоящим у импровизированной печи: по сути, яма, накрытая металлической решёткой. Оттуда выглядывал весёлый огонёк, согревая пространство вокруг.

Здесь действительно было теплее.

Пока я обсматривала обстановку, передо мной поставили большую миску с мясом. Густой аромат тут же ударил в голову, вызывая обильные слюнки. Но, как только я заглянула в тарелку, мне спlohело.

Огромные жирные варёные куски мяса, жилы, кости.

Поковыряв в этой мешанине ложкой, недоумённо глянула на повара. Я, конечно, понимала, где нахожусь, что это полевая кухня и стейк под грибным соусом мне не подадут. Но, всё же.

– Извините, а бульона нет? – жалобно пропищала я.

Фав приподнял бровь, не понимая, чего мне не нравится.

– А что такое? – он развёл ручищами. – Коль назвался мужиком, так и ешь как мужик. Или ты, парень, не мужик?

– Да, мужик я, дядька, мужик, – обречённо вздохнула я. – Ну, может, вилка есть?

Лицо лося приобрело крайне задумчивый вид.

– Чего? – всё же уточнил он, так, видимо, и не сообразив, что от него требуют.

– Ясно, вилок здесь не водится: будем изобретать, – пролепетала я.

Мой мозг, смертельно уставший за этот бесконечный день, соображал, что делать. Есть хотелось жутко, но я не привыкла к столь жирной пище. Мне плохо станет. Даже если выберу постные кусочки, ну, не руками грязными их есть.

Кстати!

– А руки-то вымыть можно? – растерянно поинтересовалась я.

– А то, вон в ведре, – мне указали в сторону печи.

Вскочив, спешно подошла к ведру и тут же отступила на шаг.

– Так, грязная же вода. Там посуда замочена, – проворчала я.

И тут же осмотрелась: может, где ещё какой таз стоит.

– Так и ты не чистые руки мыть собрался, – недовольно пробубнил повар.

– Это же антисанитария, – возмутилась я.

– Энтикто? – косматая бровь уползла на лоб.

Ну, ясно. Никакого понятия о гигиене. Куда я попала?! Знала бы, ящик влажных салфеток с собой прихватила. Хотя, такую грязь, что была у меня на руках, только водой да мылом отмывать.

– Где чистая вода? – ровно спросила я, особо уже и, не веря, что найду такую роскошь.

– А в реке, – проворчал космач, – тебе надо – ты и иди.

– Хм, ну и пойду, – огрызнулась я. – Куда топать?

– Так вот прямо через кустарник, – огромная лапа взвилась перед моим лицом и указала путь – дорожку.

Гордо подняв подбородок, пошла, куда послали. Пролезла через кусты, исцарапала и без того разбитое от ударов лицо. Но чего уж там: с грязными руками не полезу я в тарелку, и всё тут.

Вышла на берег, скорее ориентируясь на звук.

Река?! Нет, это ручей шириною в три шага. По обеим сторонам росла высокая трава. Берег илистый: шагнув вперёд, тут же увязла ботинком в грязь. Почесав затылок, прошла дальше и нашла-таки подход к воде – большие плоские камни.

Выбрав наиболее безопасное и сухое место, я пробралась к водной глади и принялась спешно отмывать грязь с ладоней: задрала рукава, и, отбивая зубами дробь, стирала разводы с кожи.

– Что ты тут делаешь? – громом грянуло за моей спиной.

От неожиданности я взвизгнула и села на пятую точку. Овернулась и встретила взглядом с хмурым Иораном.

– Фух, – вздох вырвался из моих уст, – вы меня напугали.

– Я задал вопрос, – на его лбу чётко прорисовались хмурые морщинки.

– Руки мою, не видно, что ли?! – пробурчала я и отвела взгляд, который постоянно прикипал к торсу мужчины. – А вы тут все принципиально раздетые ходите?

– Я в штанах, – рыкнул он в ответ.

– Ну, хоть что-то, – миролюбиво проворчала и дальше принялась выскребать грязь из-под ногтей. От моего красивого маникюра не осталось и следа.

– Вытащи руки из воды, или уже не холодно?! – взревел медведь.

Никто никогда не смел так со мной разговаривать. У меня от возмущения, кажется, дыхание сбилось.

– Не надо мне указывать, что делать! – зарычала я в ответ ничуть не хуже него.

– Вынь руки из ледяной воды, – шипел зло он. – Лекаря пока нет, а от тебя кровью прёт. Я только не пойму, где рана. На лице следы ударов. Ещё и с лихорадкой слезь хочешь?

Доля правды в его речах была, конечно, но уступить сейчас и позволить собой командовать – да, не дождётся.

– От того, что я вымою руки, ничего не случится, – холодно произнесла я. – Ну, не грязными же есть.

– Там, что ведра с тёплой водой нет? – Иоран, ловко перепрыгнув с камня на камень, приблизился ко мне вплотную.

– Есть, но оно с посудой, – нервно пролепетала я.

– И что? – он склонился и, кажется, принялся.

– Это неправильно – мыть грязные руки там, где посуда, – проворчала я, отползая от него подальше.

– Чистюля, значит. Какой у нас щепетильный мальчик, однако, – выпалил он и наступил на подол длинной куртки, не давая мне увеличить между нами пространство.

Я захлопнула свой рот и вдруг вспомнила о своей маскировке. Так, на эмоциях и проколоться легко. Вовремя он отдернул меня.

Сидя с мокрыми руками, я быстро соображала, обо что их вытереть. Платок у меня в рюкзаке, а вещи я оставила у костра.

– Держи, – кажется, сообразив, в чём проблема, Иоран протянул мне небольшую тряпицу и убрал ногу, позволяя мне встать. – Вытирай ладони и марш есть. Ещё раз увижу тебя здесь – Фав получит за тебя по полной. Ты ведь не станешь его подставлять?

– Подлю играешь, медведь, – проворчала я, – на совесть давишь.

– На совесть, на жалость, на всё что угодно, лишь бы сработало, – хмыкнул он. – Быстро в лагерь. Чтобы через час сытым спал. Я проверю.

– А к чему такая опека? – не поняла я, всё становилось очень подозрительным.

– Не нравится, – рыкнул он, – так выкину обратно в лес, помирать.

А вот это уже другой разговор.

– Нет, – я развела руками, – меня всё устраивает.

Обогнув здорового воина дугой, переползла через камни и рванула обратно к столу, в руках так и сжимая тряпицу.

У полевой кухни, кроме Фава, обнаружилась и молоденькая женщина, даже на первый взгляд, крайне неприятная. Окотив меня презрением с ног до головы, она поморщилась.

– Вонь-то какая, что за замухрышек? – прогорланила она. – И точно пацан, а я уж думала, соврали местные сплетники, и бабу Иоран припёр. Мне соперница не нужна. Надеюсь, ту, что задела его сердце, уже сгубили, да и прикопали где.

Услышав такое, я буквально упала на скамейку и вылупилась на эту особу.

– Рот бы ты прикрыла, Крася, – рявкнул Фав.

– А чего? – она повела полными плечами, на которых кое-как держалась куртка. – Я самка слабая: зверь, считай, никакой. А Иоран сильный медведь. Я для него прекрасно подхожу.

– А зверь-то, поди, крыса?! – проворчала я.

– Нет, нутрия, – самодовольно поправила меня она.

– Ну, так и говорю – большая крыса, – усмехнулась я.

Кажется, у меня объявился персональный враг.

Глава 6

Мне всё-таки пришлось есть руками.

Никогда ещё я не устраивала такого свинства за столом. Ложкой орудовать было невозможно. Всё эти жиры, жир прямо кусками. Я старательно не приглядывалась, страшась увидеть в своей тарелке, что похуже.

Но голод был сильнее моей брезгливости.

Убирая в сторону тошнотворные куски и выбирая только самое постное, я всё время ловила на себе изучающие взгляды мужиков, проходящих мимо. Их обнажённые торсы давили на меня тестостероном.

Но хуже всего дело обстояло с их военачальником Иораном.

Этот наглый грубый медведь, вообще, пялился, не переставая.

Его тёмные очи прожигали дыры на моей спине и не способствовали аппетиту. Я тихонько закипала. Но поделаться ничем не могла.

Рядом со мной возникла кружка со странным варевом.

– Возьми, – сквозь зубы процедила Крася, – даже я кровь чувствую. Это поможет, боль уйдет, и раны не загноятся.

Я с подозрением уставилась на женщину. Дружелюбием она не ослепляла, и не скрывала своей неприязни.

– Что там? – грубовато поинтересовалась я.

– Травы, что же ещё, – огрызнулась она, – я не настаиваю, но лекарь придёт только утром. А начнёшь тут в горячке метаться, мне ухаживать за тобой придётся. Так что лучше сразу заражение предотвратить, чем потом маяться с таким задохликом.

Логика в её словах была железная. Откинув сомнения в сторону, я выпила, что дали. Действительно, знакомый вкус: вроде даже и нотка ромашки лекарственной присутствовала. Надеюсь, не отравлюсь. Забрав кружку, Крася спешно поставила её на стол, словно сама стыдилась своей доброты душевной.

Я продолжала ковыряться в своей миске, буквально по кусочкам откапывая там под слоем жира постные волокна. Вывалив нечаянно на стол очередной омерзительный кусок жиры, заметила, как тихо захохотали воины, сидящие неподалёку. Они словно пришли представление посмотреть. Это меня смутило и разозлило одновременно.

– Фав, – обратила я внимание косматого повара на себя, – а чего всё вокруг на меня так таращатся? Мужика, что ли, не видали?

Он натурально заржал. Да не лось это, а конь!

– Мужика-то видали, но не такого, – сквозь смех выдал он.

– В смысле?! – насторожилась я. – А чего со мной не так?

Он успокоился, хотя в глазах блеснули смешинки.

– А коли мужик, что ты копаешься в тарелке как баба, трясущаяся за свою фигуру? – уже спокойнее пробасил он. – Что боишься, бока на штаны наползут?

Кхм. Оказывается, маскироваться под парня не так уж и просто. Я глянула на воинов, затем на этого сохатого, и поняла, что нужно срочно находить объяснение своим странностям.

– А у меня гастрит, – нашлась я.

– Кто у тебя? – не понял Фав. – Что за зверь такой гастрит?

Ну, сказала. Я даже язык прикусила.

– У меня больной кишечник. Понимаешь? – я выразительно глянула на повара. – Жирное съём и плохо мне. Бульончик бы, ну, коли, нет, там и мясо постное сойдёт.

– Дай ему бульону нежирного, – прозвучал знакомый бас за моей спиной. Оглянувшись, увидела Иорана, подошедшего с весьма недовольным лицом.

– Ещё что больное есть? Запах крови откуда? – проворчал он.

Вот далась ему моя кровь и запах.

– Меня наказали... – попыталась я объясниться и тут же закрыла рот, недоговорив.

Чуть сама себя не подставила. Скажи, что меня высекли, и кожа на спине повреждена, да раны кровоточат, наверняка, стянули бы сейчас с меня куртку и увидели грудь третьего размера. Её так просто не утаишь: не те объёмы.

– Как наказали? – грубо потребовал ответа медведь.

– Да, там ерунда. Саданули один раз. И царапина, но она зажила, – нагло сочиняла я на ходу. – Куртка пропиталась кровью просто. Постирать ее нужно.

Лицо медведя сделалось совсем недовольным.

– Запах свежей крови, не смей врать, – рявкнул он.

– Не смейте на меня орать. Моя куртка! Моя кровь! Чем хочу, тем и воняю, – озлобилась я в ответ.

– Последний раз спрашиваю, повреждения серьёзные есть? – рычал он.

– Я похож на умирающего? – я недоумённо развела руками.

Признаться, если бы ткань не слиплась с ранами, то я особой боли не ощущала бы. Розги это всё-таки не кнут.

– Ты похож на гордого перепуганного воробышка, – хмыкнул Иоран. – Найди куртку чистую. Я не могу нормально реагировать на этот запах. А эту вещь сожги, – обратился он к сохатому.

– Понял, – Фав кивнул и скрылся с глаз.

Я отвернулась и снова принялась выгребать кусочки мяса из тарелки. Сплошной жир. Как это, вообще, есть можно.

– У нас и правда нет овощей. Не подоспел вовремя обоз. Потерпи немного, скоро всё будет, – голос Иорана с извиняющимися нотками меня слегка пристыдил.

Как-никак, меня спасли, накормили, куртку вот сейчас чистую дадут, а я сижу тут, и нос морщу. Не хорошо это.

– Я благодарен за всё. Мне за праздник и то, что есть, – тихо произнесла я извинения на свой манер.

– И все же потерпи, скоро у тебя будет всё: и тепло, и еда хорошая, и одежда чистая да красивая.

С этими словами он удалился, оставляя меня в лёгком недоумении. Чего это он с такими обещаниями да заботой и к пацану. Он что не того! От этой мысли я сначала покраснела, а потом побледнела. Вот будет номер, если он ухаживать за мной будет! Как потом извиняться за грудь бабскую перед ним?!

– Держи вот, – вернулся Фав и положил рядом со мной на лавку не совсем новую, но чистую толстую куртку из мягкой кожи. Распахнув её, обнаружила меховой подклад. В такой точно не замёрзнешь.

– А чья она? – не удержалась от вопроса. Интересно ведь кто такой щедрый.

– Да, неважно, – отмахнулся повар, – парнишка один твоего телосложения отдал: его мамка хорошо в поход снарядила.

– И он не против, если я её поношу? – мысленно потирала ручки: вещичка была то, что нужно сейчас, и тёплая, и мне впору.

– Да, он на совсем ее отдал. Надевай и грейся, – Фав махнул рукой, словно отдать задаром шикарную куртку – это пустяк. – А свою телогрейку принесяшь, я её в костёр закину. А-то и правда, запах просто сшибает.

Я тяжело вздохнула. Будто я не знаю, как от меня разит. И пропотела вся, пока бежала, и кровью перепачкана: и своей, и чужой. От последней мысли меня передёрнуло.

– Держи, хлебай. Кажется, не шибко жирный, – передо мной появилась тарелка с золотистым бульоном. – Ты не смотри на него, а ешь. Застынет, греть не стану.

Взяв огромную деревянную ложку, я с удовольствием принялась хлебать бульон, оставив мясо. Вкусно. И главное, сытный, а с чего он и знать не желаю. Хотя странный запах от бульончика исходил.

Вот сразу бы так.

Съев всё, что дали, я легонько откинулась и обернулась.

Теперь мне было интересно, куда же меня занесло. Это был явное военно-полевой лагерь, но в отличие от предыдущего, палаток тут не наблюдалось. В центре горел высокий костёр в человеческий рост, вокруг него сваленные стволы деревьев, на которых сидели мужчины. Каждый был занят своим делом: кто играл в странную игру, бросая наземь, кажется, позвонки мелкого животного, кто-то штопал одежду, отдельно сидела группа воинов. Они точили боевые топоры.

Вроде ничего настораживающего.

– Слышь, малой, куртку свою давай, – напомнил о себе мой новый косматый знакомец.

– Повернув голову, заметила, как пристально за мной наблюдает Фав. Перевела взгляд на куртку. И как быть?

– А где у вас тут туалет? – смущённо пробурчала я, в надежде улизнуть в кусты и там сменить одежду. И не только куртку, но и футболку под ней. У меня в рюкзаке сменных вещей хватало.

– Да, выбирай сам, куда бежать, – хмыкнул лось.

Подтянув к себе куртку, ухватила за мешок. Отвернувшись от любопытного взгляда повара, забралась в рюкзак. Вытащила чистую свободную тунику, вязаную жилетку и положила это добро на лавку.

– Интересные у тебя вещи, – полюбопытствовал Фав.

– Вещи как вещи, – глухо проворчала я, понимая, как сильно с гардеробом своим могу спалиться перед честным народом. И, как назло, в затуманенную шишкой на затылке голову ничего умного и оправдательного не шло.

– Вязка на жилете необычная, аккуратная такая. А расцветка яркая, глаз не отвести, – умилялся надо мной сохатый. И не поймёшь, всерьёз он это или издёвочка.

Я придирчиво уставилась на свою вещь. Мда. И нарочно не придумаешь – чёрная в красных маках. Ох, не мальчиковый фасончик. Схватив жилет, засунула его в куртку, чтобы кто ещё не заметил.

– Что мамка собрала, в том и хожу, – попыталась отбрехаться я.

– Да, мамки они такие. Поди, вещи сестры донашиваешь? – не унимался Фав, мысленно я обласкала его всеми ругательными фразочками, что только всплыли в моей голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.